

Обед с FT Жизнь и искусство

Глава OpenAI Сэм Альтман: «Это интеллект гениального уровня»

Технологический предприниматель о рисках и возможностях искусственного интеллекта, споре с Илоном Маском и о том, почему у него «самая важная работа, возможно, в истории»

Рула Халаф

Опубликовано 18 МИНУТ НАЗАД

[Убежище Сэма Альтмана](#) из стаи Кремниевой долины — это обширная ферма в конце дороги, которая змеится через утопающие в виноградной лозе холмы в долине Напа. Я замечаю 40-летнего мужчину со слегка взъерошенными волосами на кухне открытой планировки широкого дома с эркерными окнами и сразу же вхожу внутрь. Его озадаченный взгляд говорит мне, что меня не ожидали. Оказывается, я прихожу почти на час раньше, но человек, стоящий за ChatGPT, закончит встречу и присоединится ко мне в саду. Я жду под затененной виноградной лозой беседкой, которая тянется вдоль дома.

[На обед с FT](#) Альтман предложил приготовить простую вегетарианскую еду на своей ферме вместо того, чтобы встретиться со мной в ресторане по своему выбору, где его, скорее всего, будут преследовать любители селфи. С тех пор как [в 2022 году компания OpenAI](#), которой он руководит, выпустила модель генеративного ИИ, Альтман стал мировой знаменитостью. В прошлом году он женился на своем бойфренде-программисте, и недавно у них родился мальчик с помощью суррогатного материнства (он консультировался с ChatGPT по поводу того, какую кроватку купить), поэтому он проводит больше времени на ферме в Напе.

Альтману требуется всего несколько минут, чтобы присоединиться ко мне на улице. Он превратил OpenAI в одну из самых быстрорастущих компаний за всю историю, с ошеломляющей оценкой более 250 миллиардов долларов, и ускорил ожесточенную гонку за превосходство в области искусственного интеллекта: стремление к [искусственному интеллектуальному интеллекту](#), когда машина может превзойти когнитивные способности человека, не только поглощая знания, но и рассуждая и обучаясь самостоятельно.

Но это было путешествие на американских горках, в котором Альтман был уволен и снова нанят своей собственной компанией, его характер и приверженность безопасному развитию искусственного интеллекта оказались под вопросом. Он боролся с [Илоном Маском](#), с которым он был соучредителем OpenAI, и спорил со Скарлетт Йоханссон, которая обвинила его в использовании «устрашающе похожего» голоса на ее собственный для обучения чат-бота. Обогнав у себя более авторитетных конкурентов (в частности, Google, учитывая, что он долгое время лидировал в исследованиях искусственного интеллекта), его обхаживали президенты и премьер-министры, и он соблазнил некоторых из крупнейших мировых инвесторов.

Я нахожу, что Альтман полон уверенности, когда наш разговор варьируется от продуктов ИИ до экзистенциального вопроса о будущем ИИ, к которому горстка оптимистично настроенных технологов неуклонно ведет нас, нравится нам это или нет. Излучая амбиции, он звучит как человек, убежденный в своей судьбе. Он говорит мне, что у него «самая крутая, самая важная работа в истории», и хотя раньше он думал, что ИИ был таким же важным, как промышленная революция, теперь он считает, что «взрыв творчества» делает Ренессанс более подходящей аналогией.

Мы встречаемся вскоре после выпуска OpenAI o3, более продвинутой модели искусственного интеллекта с улучшенными возможностями рассуждения и генерации изображений. По его словам, это важный шаг на пути к созданию агентов ИИ, которые могут выполнять задачи от имени человека, и к чему яростно стремятся все ведущие компании, занимающиеся искусственным интеллектом. «Люди говорят, что... это уровень интеллекта гения», — восторженно восклицает он.

Не успел инструмент быть выпущен, как пользователи наводнили интернет изображениями, созданными в стиле японского анимационной студии [Studio Ghibli](#). Это дало Альтману и OpenAI сенсационный маркетинговый импульс, а также возобновило вопросы о свободном использовании чужой интеллектуальной собственности для обучения моделей ИИ и создания произведений искусства. Альтман говорит, что для художников может потребоваться компенсация (его компания заключила лицензионные сделки с издателями, в том числе с FT), но он предпочитает выпустить инструменты в мир, а затем найти ответы на возникающие вопросы.

«Есть люди, которые говорят: «Все искусство искусственного интеллекта ужасно», но есть много художников, которые говорят: «Это лучший инструмент на свете, это как изобретение камеры», — говорит Альтман. «Мы согласны с тем, что нам нужна новая бизнес-модель для такого мира, но что это такое, сообщество все еще как бы нащупывает свой путь. Я знаю, что мы должны прийти к единому мнению о том, каким оно должно быть».

Мы возвращаемся на кухню, и я наблюдаю, как Альтман приправляет тмином желтую и оранжевую морковь, выращенную на ферме, которую затем жарят в духовке. С впечатляющей решимостью он измельчает огромное количество чеснока, который бросает в сковороду с красным перцем чили, грецкими орехами, петрушкой и пекорино, чтобы сделать то, что выглядит как калифорнийский вариант *spagetti aglio e olio*. Листья салата с тонко нарезанной морковью и редисом уже в холодильнике и нуждаются только в заправке. Альтман явно увлекается кулинарией и, как я скоро узнаю, неплохо в этом разбирается.

Пока мы разговариваем, я ищу подсказки в его воспитании, которые намекают на его будущую славу. Он говорит, что их нет. «Я был

похож на занудного еврейского ребенка на Среднем Западе... Так что технологии были не в фокусе. Знакомство с компьютерами было чем-то необычным. И я, конечно, никогда не мог представить, что в конечном итоге буду работать над этой технологией таким образом. Я до сих пор чувствую себя немного сюрреалистично, что это произошло».

Старший из четырех детей матери-дерматолога и отца, работавшего в сфере недвижимости, Альтман много читал научно-фантастических книг, смотрел «Звездный путь» и любил компьютеры. В 2005 году он бросил Стэнфордский университет, прежде чем закончить его, чтобы запустить стартап в области социальных сетей. В те дни ИИ был еще в зачаточном состоянии: «Мы могли показать системе тысячу изображений кошек и тысячу изображений собак, а затем она [ИИ] могла правильно их классифицировать, и это было похоже на то, что вы живете светской жизнью».

Вскоре Альтман возглавил Y Combinator, стартап-акселератор, который поддержал его первое предприятие. Он все еще был там, когда в 2015 году основал OpenAI как некоммерческую организацию, миссия которой заключалась в том, что общий искусственный интеллект должен приносить пользу всему человечеству. Маск был соучредителем, который финансировал компанию на десятки миллионов долларов, но затем поссорился с Альтманом и покинул ее совет директоров в 2018 году в одной из самых пристально наблюдаемых вражд в Кремниевой долине. Маск, который развивал свою собственную конкурирующую компанию по искусственному интеллекту, xAI, утверждает в иске, что Альтман отклонился от основополагающей миссии компании. Альтман подал встречный иск: «Мне кажется ясным, почему он все это делает, — говорит он о Маске. Потому что он пытается замедлить конкурента, и ему это не нравится, он не выигрывает в искусственном интеллекте.

У Маска могут быть свои личные мотивы, но споры о том, как «победить» в области искусственного интеллекта, который требует огромных вычислительных мощностей и инвестиций, не ослабляя приверженности безопасности, уже давно разделяли OpenAI. Спор вылился в открытую конфронтацию в ноябре 2023 года, когда совет директоров некоммерческой организации внезапно уволил Альтмана, а один из членов совета позже обвинил его в искажении информации и в некоторых случаях во лжи правлению.

Альтман одержал победу. Он был восстановлен в должности в течение нескольких дней, после того как почти все сотрудники пригрозили уйти в отставку, и Microsoft, в то время крупнейший финансовый спонсор компании, предложила нанять Альтмана и его команду. «Было очень больно и очень неловко, что все это произошло, и никто, включая меня, не знал всего этого в то время. Я хотел сесть на пляж и восстановиться, но мне нужно было просто продолжать управлять компанией и теперь убирать гигантский

беспорядок». Эта неразбериха, по его словам, включала в себя клиентов и инвесторов, которые спрашивали, могут ли они положиться на компанию.

Шторм привел к отставке некоторых из лучших исследователей OpenAI и оставил затянувшиеся вопросы об Альтмане. Но это также укрепило его статус бесспорного лидера компании, с новым советом директоров, который его поддерживает. Его амбиции также расширились: в начале этого года он снялся в еще одном сенсационном событии, появившись в Белом доме вместе с Дональдом Трампом, чтобы объявить [о совместном предприятии с SoftBank, которое привлечет сотни миллиардов долларов для развития инфраструктуры искусственного интеллекта, включая центры обработки данных.](#)

Но в то время как он изменил логику вокруг миссии OpenAI, поскольку ее коммерческий потенциал стал более очевидным, попытки изменить структуру компании на более традиционный [бизнес для бизнеса](#) натолкнулись на сопротивление со стороны Маска, а также экспертов по искусственному интеллекту, которые настаивают на том, что компания должна оставаться под управлением некоммерческого совета директоров для выполнения своей миссии по развитию технологий на благо всего человечества.

Я спрашиваю Альтмана, извлек ли он урок из попытки государственного переворота. Одно из критических замечаний в его адрес заключается в том, что он говорит людям то, что они хотят услышать, в зависимости от того, что целесообразно. Все, что он признает, это то, что он предпочитает избегать конфликтов, и ему пришлось быстро научиться управлять такой сложной компанией. «За последние два года мы прошли через полтора десятилетия нормального роста компании».

На ферме напряженный день. Мать Альтмана приезжает в гости, как и его родственники. Его муж и сын, а также коллега тоже находятся в доме. Они входят и выходят из кухни. Альтман ставит миски с едой на стол, мы обслуживаем себя и возвращаемся в сад. Паста вкусная, с нужным количеством специй, морковь хрустящая, а салат на вкус легкий и сочный.

Будучи главным разрушителем, гиперактивным в социальных сетях и, по его собственному описанию, «маркетинговым подразделением» OpenAI, он генерирует постоянный поток новостей. Недавно это включало в себя спор с сестрой, которая обвинила его в сексуальном насилии над ней, когда она была ребенком (остальные члены семьи поддержали его отрицания, и он говорит, что чувствует одновременно сострадание и обиду по отношению к сестре, которая «долгое время переживала трудные времена»).

Альтман утверждает, что конкурентоспособность не является одной из его определяющих черт — «Разве я выделяюсь с точки зрения конкурентоспособности, — спрашивает он вслух, — по сравнению с другими руководителями технологических компаний?» — и все же он наслаждается разговорами о победе. Он признает, что подумывал о том, чтобы баллотироваться на пост губернатора Калифорнии (хотя и не в президенты, как утверждают некоторые); его любимый способ описать охват ChatGPT — не 800 миллионов пользователей, а «10 процентов мира».

Но насколько в конечном итоге важна конкурентная гонка? В то время как Кремниевая долина вкладывает огромные средства в искусственный интеллект, [китайский стартап DeepSeek](#) в этом году выпустил модель, разработанную на ограниченный бюджет. Это говорит о том, что модели ИИ становятся коммодити, а технологическое преимущество США над Китаем уменьшается. Альтман говорит, что в нарративе о коммодитизации есть «звездочка»: «Большинство этих моделей будут коммерциализированы. Я не думаю, что передовые модели будут таковыми». Он, конечно, рассчитывает одержать верх в передовых моделях, но также выиграть в игре на коммодитизацию, учитывая, сколько пользователей уже подключены к ChatGPT.

И как OpenAI обеспечит отдачу от огромных инвестиций? Альтман намекает на свою конечную цель, но описывает ее как всего лишь одну убедительную идею: когда подписка на ChatGPT становится персональным ИИ, с помощью которого пользователи входят в другие сервисы. «Вы можете просто взять свой искусственный интеллект, который будет лучше узнавать вас в течение вашей жизни, хранить ваши данные и быть более персонализированным, и вы можете использовать его где угодно. Это была бы очень крутая платформа для предложения».

Солнце слишком сильное, поэтому мы возвращаемся внутрь. Альтман потягивает чай, свернувшись калачиком на диване в гостиной, обхватив руками ноги. Мы говорим о будущем, в котором доминирует ИИ, которое унаследует его сын. Болезни могут быть вылечены быстрее с помощью ИИ, а секторы от образования до банковского дела трансформируются. Но этот мир также поднимает экзистенциальные вопросы о том, как мы живем. Почему общество должно доверять горстке специалистов с искусственным интеллектом в принятии решений о том, как будет выглядеть будущее? В ответе, который вряд ли убедит, он говорит, что те, кто разрабатывает технологию, «стремятся соответствовать серьезности момента с помощью ответственных технологий».

Прогресс в области искусственного интеллекта движется с такой головокружительной скоростью, что некоторые эксперты выступают за его замедление до тех пор, пока не будут приняты международно согласованные нормы и правила. Два года назад сам Альтман подписал [заявление](#) вместе с другими специалистами в этой области, предупреждая, что «снижение риска исчезновения из-за ИИ должно быть глобальным приоритетом наряду с другими рисками социального масштаба, такими как пандемии и ядерная война».

Альтман настаивает на том, что он не изменил своего мнения, и будут моменты, когда может потребоваться сдерживание. На данный момент он, похоже, доволен развертыванием инструментов, с помощью которых люди могут экспериментировать и оценивать риски. «Мир должен знать об этом [ИИ], мир должен очень сильно повлиять на это. Когда наши пользователи помогают нам решить, какими должны быть пределы, например, узнавать эту коллективную ценность, функцию и предпочтения человечества», — говорит он.

Некоторые достижения действительно пугают его. После выпуска функции памяти, которая позволяет ИИ регистрировать прошлое поведение, он слышал о случаях, когда пользователи становились слишком эмоционально зависимыми от ИИ. «Люди говорят: «Это мой новый лучший друг, ты никогда не сможешь удалить эту версию, мне нужна эта штука... Я не сомневаюсь, что мы, общество, придумаем, как справиться с этим, но это новая вещь, которая только что произошла, и вы можете представить, как все пойдет не так».

Более тревожным, замечу, является будущее, в котором агенты ИИ общаются друг с другом без инструкций со стороны людей. Альтман объясняет, что, возможно, не агент создает других агентов, а система искусственного интеллекта, которая настолько хороша, настолько надежна, что фактически контролирует то, что делают люди. Это звучит настолько жутко, что даже он, кажется, встревожен своими словами.

Альтман не производит на меня впечатление человека, который испытывает сомнения, но я спрашиваю, как его грандиозный план по созданию гиганта искусственного интеллекта мог пойти не так. Уверен ли он, что OpenAI будет существовать через 10 лет? «Починка заборов и уход за коровами» было бы его планом Б, шутит он. Если говорить серьезно, он говорит: «Мы можем сделать неверную ставку на исследование, вы знаете, мы можем отстать по продукту от кого-то другого. Мы делаем очень сложные вещи».

Мы разговариваем уже больше двух часов, и его муж, держа на руках ребенка, присоединяется к нам в гостиной, и после некоторой суеты крошечный младенец засыпает. Я спрашиваю, считает ли Альтман свой дивный новый мир, в котором люди не являются самым разумным существом на планете, угрожающим — если не ему, то его сыну?

Как и следовало ожидать, он слишком увлечен своим творением искусственного интеллекта, чтобы чувствовать угрозу. «Ты думаешь, что сейчас ты умнее оз? Я — нет... и я чувствую себя совершенно безмятежным, и я уверен, что вы тоже», — говорит он. «Я обнимаю своего ребенка, наслаждаюсь чаем. Я собираюсь заниматься очень интересной

работой весь день... Я буду использовать о3 для выполнения работы лучше, чем я мог делать месяц назад. Я пойду прогуляюсь сегодня вечером. Я считаю, что это здорово. Я более способен. Он [его сын] будет более способным, чем кто-либо из нас может представить».